

Цзян Лу занял свое место как раз в тот момент, когда ведущий на сцене объявил следующее выступление — танцевальный номер под названием «Песня жаворонка», поставленный Су Циньхань из 2-го класса, на музыку, исполненную Ли Таном из 1-го класса.

Когда занавес поднялся, ослепительный свет озарил сцену. Цзян Лу увидел Ли Тана, сидящего за фортепиано сбоку сцены. Он был одет в элегантный смокинг, спина прямая, длинные тонкие пальцы касались черно-белых клавиш. С каждым легким нажатием прекрасная музыка лилась в зал, одинаково донося до каждого зрителя.

Воспоминания словно в тумане перенеслись на девять лет назад, в ту зиму.

Через три года после смерти отца десятилетний Цзян Лу один сел на поезд, направлявшийся в столицу.

Он не покупал билет, а пробрался в состав тайком. В то время железнодорожная станция Сюйчэна все еще ремонтировалась, и меры безопасности были не слишком строгими. Получив отказ в кассе под предлогом «пусть родители купят», он стал следить за входом в поезд, идущего в столицу, и сумел проскользнуть во время проверки билетов, следуя за мужчиной с большим чемоданом.

Сюйчэн находился примерно в двух тысячах километрах от столицы, и поезда ходили нечасто. Цзян Лу сел на поезд, который должен был сделать двадцать восемь остановок, прежде чем добраться до столицы, что заняло в общей сложности тридцать пять часов.

Все места в поезде были заняты, и многие стояли в проходах. Цзян Лу стоял на стыке двух вагонов, рядом с местом хранения багажа. Когда проводник подходил проверять билеты, Цзян Лу уходил в туалет. Если туалет был занят, он делал вид, что идет по проходу. На вопрос:

— Где твои родные, малыш? он указывал назад и отвечал:

— Там. Я иду купить им лапшу быстрого приготовления.

Проводник ничего не заподозрил и лишь подивился внимательности ребенка, который и так заботится о своей семье.

Как только проводник скрылся из виду, Цзян Лу вернулся на свое место и сел на пол. Мужчина, сидевший рядом на корточках, заговорил:

— Мальчик убегаешь из дома?

Несмотря на юный возраст, Цзян Лу был сообразительным и помнил совет отца о том, что следует быть осторожным с незнакомцами, путешествуя в одиночку.

Он поджал губы и торжественно произнес:

— Я не убегаю из дома. Я еду к маме. Она будет ждать меня на вокзале, мы уже это спланировали.

В конце года было многолюдно, и поезд несколько раз останавливался, чтобы пропустить скоростные поезда. К счастью, они наконец добрались до столицы с опозданием всего на час.

Когда Цзян Лу сошел с поезда, ноги у него распухли, и от него исходил неприятный запах замкнутого пространства.

Он вымыл голову и лицо холодной водой в общественном туалете на вокзале. Следуя указателям к выходу, он вышел на улицу и почувствовал порыв ветра, от которого его сильно затрясло.

Ветер пробирал до костей, за считанные секунды превратив мокрые волосы Цзян Лу в сосульки.

Это был единственный просчет Цзян Лу. Перед отъездом он тщательно подготовился: вскрыл копилку, которую копил годами, обменял монеты на купюры в магазине и спрятал их в самом внутреннем кармане рюкзака. Он также взял с собой несколько пачек лапши быстрого приготовления и бутылку воды, чтобы подкрепиться в полуторадневном пути. И взял с собой ученический билет, чтобы, если заблудится в столице, мог сообщить полиции, что он ученик Третьей начальной школы Сюйчэна, а не бездомный бродяга.

Он еще не изучал географию и не знал, что в столице гораздо холоднее, чем в Сюйчэне.

Но он почувствовал странное предвкушение, Цзян Лу плотнее натянул воротник своего хлопчатобумажного пальто, намокшего при умывании, и подумал, не выпадет ли в столице снег, как по телевизору, — снежинки размером с гусиные перья.

Неподалеку от железнодорожного вокзала он нашел в магазине телефон-автомат, где за три юаня можно было поговорить пять минут.

Набрав номер, который он знал наизусть, Цзян Лу сглотнул.

Он нервничал, хотя и звонил своей родной матери.

После четырех долгих гудков на звонок ответили.

Мягкий, мелодичный женский голос ответил:

— Алло, с кем я разговариваю?

Цзян Лу помолчал, прежде чем сказать:

— Это Цзян Лу.

Он хотел назвать ее мамой, но это было как-то непривычно, слова застревали в горле. Вместо этого он представился и сказал ей:

— Я приехал в столицу, на вокзал.

Примерно через полчаса прибыла Чжан Чжаоюэ.

Она вышла с заднего сиденья черной машины, одетая в длинное кашемировое пальто, которое выглядело теплым, и блестящие кожаные сапоги.

За три года она почти не изменилась. Возможно, благодаря ее избалованной жизни время не оставило на ее лице слишком много следов.

Однако выражение ее лица не выражало никакой радости, и Цзян Лу легко мог ощутить, что ему здесь не рады.

Вернувшись в Сюйчэн, она обняла его при первой встрече и сказала, что скучает по нему.

Остановившись перед Цзян Лу, Чжан Чжаоюэ протянула руку, но замерла в воздухе, прежде чем убрать ее.

Внимательно осмотрев его, Чжан Чжаоюэ намеренно отвела взгляд и спросила:

— Откуда ты узнал наш домашний номер телефона?

Цзян Лу уловил слово «домашний».

Ему это показалось странным: разве дом у подножия горы к западу от Сюйчэна не должен быть их домом? Как столичный номер мог считаться домашним телефоном его матери?

И все же он ответил на ее вопрос:

— Этот парень мне сказал.

Три года назад, когда Цзян Лу было семь лет, пятилетний мальчик заплакал и побежал к нему домой, утверждая, что ищет маму. Мальчик назвал ему свое имя и оставил домашний номер телефона.

Позже Чжан Чжаоюэ унесла мальчика, и Цзян Лу услышала, как он назвал ее «мама».

Чжан Чжаоюэ, казалось, вздохнула.

— Что-то случилось?

Цзян Лу покачал головой.

— Так почему ты здесь?

Цзян Лу сначала хотел показать ей свою грамоту за отличную учебу, но передумал, почувствовав, что она ее не убедит. Вместо этого он достал что-то из рюкзака:

— Я нашел это дома.

Это был толстый пластиковый пакет, изношенность и потертость которого свидетельствовали о возрасте его содержимого. Когда Чжан Чжаоюэ вытащила несколько писем с марками и два свидетельства о разводе в зеленом переплете, ее глаза тут же наполнились слезами.

Наконец из сумки выпало металлическое кольцо. Чжан Чжаоюэ присела, чтобы поднять его. Это было простое серебряное обручальное кольцо, их брачное кольцо. Это было ее кольцо; другое оставалось на пальце отца Цзян Лу до самой смерти.

Холодным зимним вечером тридцатичетырехлетняя Чжан Чжаоюэ стояла возле небольшого магазинчика недалеко от железнодорожной станции, закрыв лицо руками; ее плечи тряслись, и она рыдала.

Десятилетний Цзян Лу стоял перед ней, не зная, что делать. Он хотел утешить ее, но не знал, как начать, поднял руку, но не осмелился прикоснуться.

Это была всего лишь вторая их встреча; они не были близки.

Поэтому он не высказывал своих истинных чувств, как будто передача вещей была оправданием, — он просто хотел увидеть свою маму.

Или как он всегда хотел спросить, является ли ребенок по имени Ли Тан его младшим братом.

Цзян Лу стоял там, молча сопровождая свою мать.

После смерти отца он плакал бесчисленное количество раз, часто засыпая в слезах и не в силах открыть глаза на следующий день.

Некоторое время он жил у тети. Поначалу она жалела его и оставляла ему миску каши на завтрак, но со временем, видя его, она стала только раздражаться:

— Я же тебе сто раз говорила: если человек умер, его больше нет. Слезы его не вернут. Почему бы тебе не позаботиться о живых, меньше есть, побыстрее вырасти и не отблагодарить меня за то, что я тебя вырастила?

Позже Цзян Лу ушел от тети, потому что однажды, стоя на улице, услышал ее телефонный разговор:

— Когда родители этого негодяя развелись, мать выплатила все алименты авансом... это были небольшие деньги, сами знаете, дети – это денежная яма. Его воспитание стоило немалых денег. Того, что осталось, не хватит даже на ипотеку, если не на дом, записанный на имя отца... как только негодяй окончит среднюю школу, я отправлю его работать на фабрику в город Шэнь. Говорят, там нанимают рабочих на конвейер, предоставляют жилье и питание. Он сможет отправлять домой две тысячи юаней в месяц.

Отец постоянно предупреждал его, чтобы он усердно учился, поступил в старшую школу, как его мама, затем в университет, покинул Сюйчэн и увидел мир.

Он не мог разочаровать ожидания своего отца, поэтому отказался бросать учебу после окончания средней школы и идти работать; он хотел продолжить свое образование.

Цзян Лу сдержал слезы. В приюте было много детей с ограниченными возможностями, плач разносился повсюду.

Он боялся, что его выгонят, питался скудно и отчаянно учился. Он думал, что если будет усердно учиться и превзойдет всех, его мать вернется в Сюйчэн и снова будет жить с ним.

У них было «десятилетнее соглашение».

Однако Цзян Лу не ждал, что Чжан Чжаоюэ возьмет его за руку.

Из машины вышел шофер в деловом костюме и сказал Чжан Чжаоюэ:

— Урок игры на фортепиано молодого господина окончен. Нам нужно ехать сейчас же, иначе мы опоздаем.

Цзян Лу догадался, кого он имел в виду под «молодым господином», и настороженно наблюдал за Чжан Чжаоюэ, опасаясь, что она просто уйдет.

А когда Чжан Чжаоюэ вытерла слезы и встала, Цзян Лу схватил ее за подол.

Опустив взгляд, Чжан Чжаоюэ увидела, что Цзян Лу смотрит на нее снизу вверх. Ее лицо выражало беспомощную скорбь.

— Возвращайся, — сказала она. — Не приходи больше и не звони мне.

Но Цзян Лу не понимал, почему она грустит. Ему нужна была только мама, за подол которой он мог цепляться, и которую он не хотел отпускать.

— Папа сказал, что ты нас не бросишь. Он сказал, что ты вернешься, когда мне исполнится десять.

Цзян Лу не упустил из виду мимолетную борьбу на лице Чжан Чжаоюэ, но его пальцы все равно были раздвинуты, заставив его отпустить мягкую ткань.

Чжан Чжаоюэ отвернулась, оставив его с решительным видом.

— Я никогда не давала ему такого обещания.

— Возвращайся, забудь, что я твоя мать.

Их вторая встреча также была короткой и поспешной, слишком короткой для того, чтобы Цзян Лу успел сказать Чжан Чжаоюэ, что он переехал из дома своей тети, и что приют предлагает ему лишь временное убежище.

Но обратный путь был еще долгим.

Достаточно долгим, чтобы десятилетний Цзян Лу понял, что его бросили.

Поскольку у его матери родился еще один ребенок, она больше не хотела его.

Он не был так важен, как этот ребенок. Он не мог затмить этого ребенка.

Вскоре после возвращения из столицы в Сюйчэн Цзян Лу подрался с несколькими учениками младших классов и получил удар по голове цветочным горшком, в результате чего оглох на левое ухо. В то время две неудачные операции повергли его в уныние, вынудив взять академический отпуск.

Следующий его визит в столицу состоялся год спустя.

После того, как тетя дала ему денег на операцию и заявила, что оставшиеся средства на алименты потрачены, благотворительная организация собрала средства на приобретение слухового аппарата, что позволило ему вернуться в школу. Казалось, все налаживается.

И он отправился в столицу не с фантазиями о возвращении матери, а чтобы узнать, что она, женщина, которая его родила, делала, когда его избивали до крови и почти до потери сознания.

Цзян Лу вспомнил, как ребенок, приходивший к нему домой, упомянул, что он учится игре на фортепиано у преподавателя из Детского дворца.

Прибыв в столицу, Цзян Лу сразу направился в Детский дворец.

Он спросил дорогу у местных жителей, сделав крюк после выхода из автобуса. Подойдя к входу Детского дворца в три часа дня в воскресенье, он обнаружил, что здание празднично украшено к Новому году, а на табло красовалось расписание сегодняшних художественных представлений.

Когда он вошел, пожилой охранник спросил, участвует ли он в фестивале искусств. Цзян Лу ответил, что он зритель, и охранник указал ему направление:

— Идите прямо по пешеходной дорожке, и вы увидите здание с круглым куполом, это зрительный зал. Можете зайти внутрь и посмотреть.

На этот раз Цзян Лу не растерялся. Он без проблем вошел в зал и нашел ступеньку сбоку, чтобы сесть. По совпадению, одно выступление только что закончилось, а следующим было фортепианное соло девятилетнего Ли Тана.

Цзян Лу пристально смотрел на человека на сцене, отмечая, насколько он вырос с тех пор, как ему было пять лет. Одетый в хорошо сидящий, элегантный смокинг, он сидел за фортепиано, словно сияющий маленький принц.

А Цзян Лу сидел в углу аудитории, его слуховой аппарат беспорядочно усиливал все звуки, из-за чего он не мог различить фортепианную музыку, а окружающий шум вызывал у него головную боль.

Юноша на сцене держался грациозно и уверенно, словно рожденный для славы. Цзян Лу, сидевший ниже, был мрачен и обижен, как крыса в канаве.

Они пришли из двух разных миров.

Цзян Лу не пытался найти Чжан Чжаоюэ среди зрителей.

Не было нужды смотреть: она определенно была там.

В семь лет Цзян Лу уже знал, что Ли Тан каждые выходные берет уроки игры на фортепиано у преподавателя в Детском дворце.

А когда десятилетнего Цзян Лу избили до крови и доставили в больницу, врач спросил, где его опекун. В бреду Цзян Лу назвал номер, по которому Чжан Чжаоюэ запретила ему звонить, и звонок остался без ответа. Дело было в воскресенье днем, и Чжан Чжаоюэ сопровождала Ли Тана на урок игры на фортепиано.

При выходе из зала с неба кружились снежинки.

Цзян Лу поднял голову, осознав, что ожидания, которые он питал во время предыдущего визита в столицу, сбылись. И одновременно он осознал, насколько глупо себя вел.

Когда ученики младших классов средней школы смеялись над ним, называя его сиротой, он отказывался это признать, поскольку его биологическая мать была еще жива, а приют не мог официально его принять.

На самом деле он уже проиграл.

Он уже был сиротой.

Прошло время, и вот девятнадцатилетний Цзян Лу сидит в зале, наблюдая за взрослым Маленьким принцем на сцене. Какофония стихла, сменившись безграничной пустотой.

Представление закончилось, музыка затихла, и занавес медленно опустился, погасив последний проблеск света в глазах Цзян Лу.

Из глубин тишины раздался голос, призывающий его из краткого мгновения света обратно в вечную тьму.

Переодевшись за кулисами в свою одежду, Ли Тан поспешно попрощался с Су Циньхань и побежал в сторону зрительного зала.

Но к тому времени, как он прибыл, Цзян Лу уже ушел.

На его телефоне было сообщение от Цзян Лу:

[Ушел пораньше, нужно выйти еще на один матч]

Ли Тан хотел присоединиться к Цзян Лу, но Ли Цзычу схватил его за руку:

— Мы все идем в Tree House на Новый год. Не сбегай.

Учитывая, что в последнее время он был настолько сосредоточен на свиданиях, что не поддерживал связь со своими друзьями, Ли Тан виновато сел.

Он отправил Цзян Лу сообщение в WeChat:

[Приходи в Tree House, когда закончишь. Давай вместе встретим Новый год]

Это сообщение осталось без ответа.

Кафе Tree House располагалось в самом сердце старого района города, одного из самых оживленных в Сюйчэне. Но сегодня все собрались там потому, что на близлежащей городской площади должен был состояться новогодний фейерверк. Из кафе Tree House открывался вид на площадь, разделенную всего двумя улицами, что обеспечивало наилучшее место для наблюдения.

За пятнадцать минут до полуночи одноклассники уже собрались на крыше кафе. Ли Тан не спешил и поднялся только услышав радостные возгласы. К счастью, Чжоу Дунцзе зарезервировал для него место, избавив от необходимости стоять сзади.

Чжоу Дунцзе также принес ему напиток. Когда он взял чашку, их руки издали стрек от статического электричества.

Ли Тан умело нанес крем для рук из кармана. Чжоу Дунцзе рассмеялся:

— Это слишком хлопотно. Неужели нет другого решения?

Конечно, была: десенсибилизация.

Сегодня вечером он бесчисленное количество раз думал о Цзян Лу. Нанеся крем на руки, Ли Тан достал телефон, но на экране не было непрочитанных сообщений.

Видя, что он отвлекся, Чжоу Дунцзе отправился на поиски других друзей. Перед уходом он указал на небо, призывая Ли Тана не пропустить этот пейзаж.

Ли Тан поднял взгляд, его темные зрачки отразили калейдоскоп цветов, когда фейерверк

взорвался в самый великолепный момент, глубоко запечатлеваясь в его глазах.

Однажды он услышал поговорку: жизнь состоит из бесчисленных мгновений.

Эти моменты теперь стали неотъемлемой частью памяти.

Но прекрасные вещи были мимолетны, и Ли Тан легко чувствовал себя подавленным, опасаясь, что Цзян Лу был всего лишь короткой и ослепительной вспышкой в его жизни.

Под синхронный обратный отсчет окружающих Ли Тан набрал номер Цзян Лу.

Он не питал особых надежд, но когда обратный отсчет достиг «7», звонок был принят.

Ли Тан вдруг вздохнул.

— ...Закончил?

— Да, только что закончил.

На заднем плане продолжали раздаваться крики:

— 4...3...2...1...

Ли Тан бросился ловить последнюю цифру, громко крича:

— С Новым годом!

Раздались радостные возгласы, голоса загремели.

Возможно, приглушенный шумом, ответ пришел после долгой паузы:

— С Новым годом.

Ли Тан повернулся спиной к толпе, закрыв второе ухо.

— Ты победил?

— Ты хочешь, чтобы я победил?

— Конечно.

— Тогда я победил.

Ли Тан рассмеялся.

— Я решил. Отныне я всегда буду смотреть, как ты побеждаешь.

Это был ответ на реплику Цзян Лу в канун Рождества: «Решай сам», что также свидетельствовало о его серьезности и решимости.

Такие смелые и решительные слова не соответствовали характеру Ли Тана, поэтому Цзян Лу замолчал.

— Всегда?

— Да, — Ли Тан повысил тон. — Ты боишься, что не сможешь гарантировать победу в каждом матче?

Цзян Лу рассмеялся:

— Идиот.

Услышав в очередной раз «идиот», Ли Тан растерялся.

— ...Что со мной не так?

— Хм, с тобой все в порядке.

— Скажи мне, перестань отмахиваться от меня.

На другом конце провода губы Цзян Лу медленно опустились, когда он снял боксерские перчатки.

Из-за своей инстинктивной реакции, столкнувшись с таким чистым доверием, он на мгновение заколебался.

Как будто он не мог больше лгать.

Однако иногда не имело значения говорить правду.

Это может сделать ситуацию более интересной.

Из его горла снова вырвался смешок, и Цзян Лу проговорил в микрофон телефона:

— Если я выиграю, значит, ты проиграешь.

— Несмотря на это, ты все еще хочешь, чтобы я победил?

<http://bllate.org/book/13923/1226782>